

4. Учёба в Советском Союзе

Подача заявления

Третий год обучения в школе подходил к концу. Нам предстояли выпускные экзамены и получение профессии электромеханика, а большинству и поиск вакансии в вузе. Я, собственно, хотел изучать электротехнику, но мой школьный товарищ Стефан считал, что лучше учить физику – можно овладеть обширными знаниями и потом заняться чем-то другим.

Дело в том, что его отец тоже был физиком в Академии Наук. В середине 50-х годов он был в Дрездене и участвовал в конструировании первого в ГДР пассажирского самолёта 152 с реактивными двигателями. Эта машина намного превосходила русские пассажирские самолёты. Когда по невыясненной причине разбился образец, в котором отец Стефана чуть не полетел, опытно-конструкторские работы были прекращены под давлением советских братьев, и рабочие чертежи оказались у русских конструкторов. Так отделались от нежелательного конкурента. Впоследствии на этом авиационном заводе всего лишь ремонтировали самолёты и производили телевизоры под маркой RAFENA – почти то же самое.

Итак, мы подали заявление в Берлинский университет имени Гумбольдта на факультет физики, как, впрочем, и одна треть нашего класса. Там было собеседование, которое начиналось с вопроса: «Вы хотите стать учителем физики?» В случае положительного ответа

вопросов больше не задавали, так как учителя были очень востребованы. Я ответил отрицательно, следовательно мне пришлось отвечать на вопросы по математике и физике, после чего меня приняли. Теперь всё было в порядке – у меня было место в вузе, и я был доволен.

Учёба за границей?

Незадолго до выпускных экзаменов мы со Стефаном получили письмо из Гумбольдтского университета – нам предложили получить высшее образование в Советском Союзе. Мы могли бы изучать общественные науки, биологию или кибернетику. Первые две специальности сразу же отпадали. Дело в том, что я не всегда сходилась во взглядах с господствующей политической системой. Когда мы как-то раз были в «Четвёртом блоке» (радиозавод состоял из трёх блоков, и пивная за школой была для нас «Четвёртым блоком»), за пивом завязалась дискуссия по поводу Берлинской стены. Стефан был убеждён, что государственная граница ГДР, как она официально называлась, простоит ещё 40 лет. Я ему резко возразил, хотя я и сам не мог сказать как долго. К счастью, я оказался прав, и через 28 лет кошмар закончился.

Биология меня не особенно интересовала, а вот кибернетика казалась очень интересной. Будучи подростком, я постоянно читал журнал «Молодёжь и техника», в котором все достижения в области техники прославлялись как великие деяния человечества, по большей части социалистического. Будущее представлялось

в розовом цвете – каждый мог взмыть в небо на каком-нибудь малогабаритном самолёте, мобильность была превыше всего, ведь о мобильных телефонах и интернете никто и не думал. Изобрели автомобили, которые автоматически распознавали стену и поворачивали. Это и была для нас кибернетика. В общем, кибернетика должна быть отличной специальностью.

Теперь оставалось прояснить вопрос – стоит ли учиться в Советском Союзе, так далеко от родины, где придется говорить на иностранном языке, который хоть и изучали в школе, но неохотно. Английский ведь был намного интереснее, так как бит-музыка зародилась именно в Великобритании. С другой стороны, такая возможность выпадала один раз в жизни, и то не каждому. Итак, я сказал себе: «Почему бы нет?» и согласился.

Как я, собственно говоря, заслужил такую честь? Для учёбы за границей будущих студентов готовили на бывшем рабоче-крестьянском факультете (ABF) в Галле. Туда попадали только лучшие школьники из расширенной полной средней школы, которые после двух лет обучения (11-й и 12-й классы) сдавали экзамены на аттестат зрелости. Затем они отправлялись за границу, уже с соответствующей языковой и профессиональной подготовкой. В том году ГДР было предложено вдвое больше студенческих мест, так что обратились и в университеты. Родители Стефана, вероятно, посодействовали и, зная своего отпрыска, выбрали ещё и меня, чтобы я оказывал на него положительное влияние.

В Гумбольдтском университете состоялось информационное мероприятие, на котором два бывших студента рассказывали о своей учёбе в Советском Союзе. Разумеется, эти студенты учились в Москве и Ленинграде, и всё было в порядке. Затем пошли странные вопросы, например:

- Можно ли в магазинах купить колбасу и сыр?
- Каковы санитарные условия в общежитиях?
- Сколько студентов живёт в одной комнате в общежитии?

Я был знаком с жизнью в ГДР и, конечно же, думал, что в Советском Союзе похожая ситуация. В ГДР также не всё было распрекрасно, но по тогдашним средствам можно было жить вполне хорошо. Да и ответы на вопросы были удовлетворительными, так что я был доволен. Что скрывалось за вопросами, я понял лишь позже.

Впоследствии был проведён личный опрос, и необходимо было заполнить анкету касательно родственников в ФРГ. Требовалось заявить, что все контакты с ними будут прерваны. У меня там были дяди и тёти, но для меня это была не проблема, так как контакты же были мамины – её сестры, и через неё можно было продолжать общаться (вот с этого момента подключилось Штази).

В то время я ещё не являлся членом Союза свободной немецкой молодёжи (FDJ), единственной молодёжной

организации в ГДР. В 60-е годы это ещё было позволено – из нашего класса в Союзе состояли лишь около половины учащихся, позже членство стало принудительным. Теперь от меня потребовали объяснить, почему я не был членом Союза, и вступить, так как все студенты, обучающиеся за рубежом, состояли в Союзе. Уж если сказал А, скажи и Б. Таким образом, я вступил в Союз свободной немецкой молодёжи.

Рабоче-крестьянский факультет в Галле

Во время летних каникул на рабоче-крестьянском факультете в Галле был проведён двухнедельный подготовительный курс на тему «Учёба за границей». Нас разместили в общежитиях, где обычно жили абитуриенты. Сюрприз не заставил себя долго ждать. Нам сообщили, что мы будем учиться не в Москве или Ленинграде, а в Харькове, и изучать будем не кибернетику, а математику. Для меня это был жестокий удар. Хотя я и знал Харьков по названию, но математику я изучать не хотел. Однако пути назад не было.

Один человек из нашей группы всё-таки попытался возразить – он объяснил, что ему было обещано нечто другое, и поэтому он отказывается от учёбы за границей. В итоге вместо обучения в ГДР, на которое он рассчитывал, он должен был «показать себя в деле на социалистическом производстве», то есть начать работать на каком-либо народном предприятии, так как он же отверг оказанную ему честь – возможность учиться за границей. Итак, мы не стали выказывать недовольство и доверились судьбе.

Каждый день мы слушали общественно-политические лекции на такие темы, как, например, «Нерасторжимая связь между становлением общественной социалистической системы в ГДР и классовой борьбой с западногерманским империализмом» (оригинальная формулировка из приглашения). Это было, конечно, чрезвычайно увлекательно!

Затем наступила очередь самого важного:

«Как гражданам ГДР вести себя за рубежом?»

Основное правило общения состояло в следующем:

- Советские граждане – наши друзья, и с ними нужно всегда поддерживать хорошие отношения.
- Граждане других социалистических государств, разумеется, также являются нашими друзьями, с которыми тоже следует быть в хороших отношениях.
- Со студентами из стран третьего мира, то есть в большинстве случаев арабскими или африканскими студентами, контакты не должны были быть слишком тесными, что особенно касалось женского контингента. Нам намекнули на проблемы, которые могли потом возникнуть в этих странах.
- Если будут студенты из капиталистических стран, с ними не следует иметь прямых контактов.
- Самое страшное всё же – это были граждане из ФРГ, с которыми нам вообще было запрещено контактировать.

Позже в Москве произошёл такой случай. Жилых помещений не хватало, а советские власти не так строго смотрели на вещи и поселили аспиранта из ГДР с аспирантом из ФРГ в одной комнате. Это, естественно, вызвало возмущение посольства ГДР, и все средства были пущены в ход, чтобы поправить ситуацию.

Так как по вечерам мы допоздна пили пиво и играли в карты, на одной из таких интересных лекций я даже заснул. Преподаватель заметил и разбудил меня. Теперь я должен был явиться на беседу, где меня взяли в оборот трое преподавателей. После обещаний, что это никогда больше не повторится, меня отпустили. Так мы провели две недели и при этом мало чему научились, но немного познакомились друг с другом.

Вперёд – в Советский рай

Вот и настал момент – 20 августа 1968 года мы сели в поезд со спальными вагонами и отправились в Советский Союз, сначала в Москву, а оттуда ещё 600 км до Харькова.

На первом году обучения не разрешалось уезжать домой во время зимних каникул, поэтому нам нужно было взять вещи на целый год. О том, чтобы грязное бельё привезти домой маме, как это любили делать студенты в ГДР, не было и речи, так что нужно было продумать всё до мельчайших подробностей. Единственная возможность, которая нам ещё оставалась, – раз в три

месяца попросить родных, чтобы прислали так называемый «лицензионный пакет», максимум 10 кг весом, и немного денег в придачу.

Поскольку мы со Стефаном не знали, как перевезти с собой все наши вещи, мы пришли к мысли, что лучше будет заранее отправить железной дорогой по одному чемодану – так я уже делал во время других поездок. Несмотря на это, в поезде было так много чемоданов, что они не помещались в купе, а стояли в проходе. Спальные вагоны на этом маршруте были изготовлены в ГДР, купе было рассчитано на четырёх человек – двое спали внизу, и двое наверху. Если пассажиры знакомы друг с другом, поездка была вполне приятной, только длилась очень долго. Через полтора суток мы прибыли в Москву. Попутно в Бресте, на советской границе, поменяли рамы вагонов, ведь в Советском Союзе ширина колеи была больше.

21 августа мы узнали, что советские войска вступили в Чехословакию, чтобы подавить «Пражскую весну», которая началась с приходом к власти Александра Дубчека. Произошло это далеко не мирным путём и напоминало 1953 год в ГДР, когда привычный ввод танков привёл к крушению надежд всех инакомыслящих. Официально это, конечно, была просьба друзей-коммунистов из ЧССР оказать помощь в борьбе с контрреволюцией, во время которой чехи получили всего лишь немного больше свобод.

В Западном Берлине и ФРГ студенты вышли на демонстрации, требуя больше прав и принципиальных общественных перемен. Это были «бунтари 1968-го», которые попытались вытеснить старую плесень: совершенно нереалистические общественные нравы и древние учебные программы в университетах. Студенческое движение критиковало и ужасную войну США во Вьетнаме с напалмовыми бомбами и дефолиантами. Демонстрации внепарламентской оппозиции (АПО) шли в Западном Берлине одна за другой. Хотя нас это тоже касалось, мы теперь жили в другом мире.

В Москве нас устроили в студенческое общежитие. Мы быстро посмотрели Кремль и Красную площадь, а следующим вечером отправились ночным поездом в Харьков. Там нас ждал автобус, на котором мы поехали в общежитие. Как оказалось, в том общежитии все места были заняты, и нас повезли в более старое общежитие, которое располагалось на большой улице – проспекте Ленина, где нас и поселили. В каждой комнате жили двое иностранных студентов и двое советских. У нас был обветшалый балкон, четыре железных кровати, четыре прикроватных тумбочки, один платяной шкаф, одна книжная полка, посередине – стол с четырьмя стульями. Стены были окрашены светлой клеевой краской. В конце коридора находилась кухня, а также умывальная комната, где было много умывальников (только с холодной водой), и туалеты. Зимой чистить зубы холодной водой было очень неприятно. Мы были первыми студентами из ГДР в Харькове.

Другие страны – другие обычаи

Прежде чем мы смогли заселиться, нас повезли в баню. Мы сперва обрадовались, так как после долгой дороги изрядно употели. Когда мы прибыли на место, нам велели прикрепить всю нашу одежду на железное кольцо. Это было несколько необычно, но мы подумали, что, скорее всего, здесь такая система хранения вещей. Затем мы пошли в общую душевую. Вернувшись, мы не нашли нашу одежду там, где оставили, но через некоторое время её выложили перед нами на стол. Я взялся за кольцо и чуть не обжог себе пальцы – такое оно было горячее. Моя нейлоновая рубашка стала на два размера меньше и едва налезла. Итак, нас отправили в санпропускник (с дезинсекционной камерой) – мы были в ужасе, так как в ГДР мы не знали, что такое вши и вообще паразиты. Позже выяснилось, что эта система была предусмотрена для всех студентов, возвращающихся после каникул. Чтобы получить постельное бельё, нужно было предъявить справку из санпропускника. Впоследствии мы, конечно, были хитрее и сдавали только нижнее бельё из хлопка, а не верхнюю одежду.

Следующий сюрприз, который нас ожидал, – это были туалеты. В кабинках стояли обычные унитаза, правда, без сиденья. Зато слева и справа были выложенные из камня ступеньки, так что нужно было приседать на корточки. Кроме того, там стояла корзина с порванной газетной бумагой. Я сначала подумал, что это туалетная бумага, впрочем, так оно и было, но её уже использовали! Туалетная бумага встречалась очень

редко, поэтому брали газету «Правда». А так как газетная бумага забила бы канализационные трубы, её выбрасывали в корзину. Другие страны – другие обычаи.

Наши чемоданы, отправленные железной дорогой, ещё не прибыли в Харьков. Мы со Стефаном каждый день ездили на вокзал. Потом нам сообщили, что с Брестской таможни пришла телеграмма, и мы должны дать разрешение открыть чемоданы, так как в Харькове нет таможенной станции. Изрядно потрудившись, мы заполнили формуляр, и его отослали в Брест на таможню. Через пару дней прибыли наши чемоданы – целые и невредимые. Задержка не причинила нам особых неприятностей, поскольку в чемоданах в основном были зимние вещи, а у нас за окном было +30°C.

Общежитие

Нас со Стефаном поселили вместе, и немногим позже заселились также и оба советских студента, правда, не наши однокурсники, а студенты-физики пятого курса. Это, конечно, было неудобно, так как они не могли нам непосредственно помочь. Они были одеты в тёмные костюмы, и каждый при себе имел лишь маленький чемоданчик, стало быть, места в нашем общем платяном шкафу должно быть достаточно. Позже мы поняли, что в Советском Союзе люди жили немного скромнее – у студентов было очень мало одежды, которой они и должны были обходиться.

Вскоре мы заметили, что у нас в комнате есть ещё и другие жильцы – клопы, которые ночью нападают и

кусают. Так как меня, вообще-то, никогда не кусают комары, я имел иммунитет и против клопов, но другие были сильно искусаны. Мы об этом слышали, ещё будучи дома, и поэтому взяли с собой порошок от клопов, которым посыпали все плинтусы – таким образом, нас клопы больше не беспокоили.

Наша комната в общежитии

Когда о клопах сообщали администрации, комнату опрыскивали – в результате целыми днями стояла вонь, а клопы так и не пропадали. Для этого нужно было бы неоднократно опрыскивать всё здание.

Стефан знал русский язык намного лучше, чем я. До того, как он поступил в профессиональную школу, он учился в русской спецшколе в Кёпенике. Там с 3-го

класса усиленно обучали русскому языку. Мне же с моим скудным школьным русским предстояло узнать, справлюсь ли я.

Наши соседи по комнате почти в каждом предложении употребляли несколько непонятных слов, которых даже не было в словаре. Когда мы начали их расспрашивать, они сначала немного помедлили с ответом, но потом объяснили нам эти ругательства и проклятия. На самом деле, это были довольно-таки резкие выражения, но мы быстро привыкли, и даже сейчас, когда я бываю очень рассержен, я употребляю некоторые из них.

В начале сентября советские студенты должны были ехать в колхоз (крупное коллективное сельскохозяйственное предприятие) на уборку урожая. У нас же в это время должны были быть занятия по русскому языку – несколько раз в неделю, в маленьких группах. Однако 4 сентября неожиданно началась учёба.

До начала занятий мы почти каждый день ездили на речной остров, на пляж, где можно было хорошо искупаться. Мы, правда, недооценили солнце, так что быстро обгорели. Кремы от загара, как сейчас – с солнцезащитным фактором, нам тогда ещё были неизвестны. В лучшем случае смазывались ореховым маслом и затем старались избегать солнца.

Каждый вечер в общежитии играли в карты, скат и двойную голову, или иногда в шахматы. При этом пили болгарский портвейн, который как раз был в продаже.

Стефан привёз свой магнитофон КВ100, а у меня было несчётное количество плёнок с бит-музыкой 60-х годов. Магнитофон стоял на прикроватной тумбочке и играл каждый день часами напролёт. По советскому радио передавали лишь классику или народную музыку – это было не для нас. Мне приходилось постоянно ремонтировать магнитофон, например, менять лампу или приводной ремень; зато он всё ещё работает, хотя я его уже давно не включаю.

Учёба без конца и края

Вот и закончилась лёгкая жизнь. У нас было три основных специальности: высшая алгебра, математический анализ и аналитическая геометрия, а также восемь часов русского языка и четыре часа физкультуры в неделю. На первых лекциях я ничего не понимал, и во второй половине дня мы просто переписывали конспекты других студентов. Через неделю стало уже немного легче – по большей части я сам записывал лекции, оставляя между формулами и цифрами место для объяснений, которые я дописывал позже. Зато добавились огромные домашние задания – в течение одного семестра мы решили 500 предельных значений и позже 500 интегралов. Каждый день мы занимались до полуночи и при этом не успевали сделать все задания. В школе мы привыкли всегда выполнять всё, что задали на дом. Здесь же первым делом мы должны были понять, что так невозможно, нужно было выстраивать приоритеты. Через это по сей день проходят почти все

студенты. Получив аттестат зрелости, они гордо разъезжают со значками «Выпускник 2015», как будто это было самое трудное испытание в жизни, а в вузе понижают, что может быть и хуже.

По вечерам в нашей комнате мы иногда играли в шахматы. Я тоже пробовал, но мне было слишком сложно постоянно думать на несколько ходов вперёд, поэтому я предпочитал смотреть, как играют другие. Наш «дизайнерский» потолочный светильник, патрон с лампой накаливания 100 Вт, мы заменили на подвесной над столом – так было больше света для занятий. У нас ведь был только один стол, за которым мы сидели все вместе, или кто-то лежал на кровати и учил конспекты.

В середине сентября пошли дожди, и стало прохладнее – за окном было всего лишь 10 - 15°C. Для Харькова характерен ясно выраженный континентальный климат. В мае становится тепло, и всё лето температура стабильно держится в районе 25 - 30°C. Даже ночью столбик термометра не опускается ниже 20°C, так что можно постоянно ходить в рубашке с короткими рукавами и не брать с собой что-то тёплое на вечер. Затем в сентябре холодает. В ноябре / декабре выпадает снег и по большей части остаётся лежать, так как температура падает ниже -10°C – может опуститься и до -30°C. Отопление включали только с 15 октября, Впрочем, иногда немного раньше, если было очень холодно. Мы купили в комнату электрический воздухонагреватель, что, конечно же, было запрещено, и так нам стало немного уютнее.

С личной гигиеной в общежитии было не так просто, так как не было душа. Раз в неделю мы ходили в баню, где были душевые и парная. За небольшую цену можно было помыться и расслабиться, ещё и для здоровья полезно. Местные всегда приносили с собой берёзовые веники, которыми били друг друга по спине и туловищу. В комнате отдыха имелись каменные лавки. Иной раз присутствовала ещё и бутылка водки.

Университет был расположен на главной площади Харькова, в центре которой стоял большой памятник В.И. Ленину. Добирались мы туда троллейбусом. Хотя троллейбусы ходили почти ежеминутно, они всегда были переполнены, причиной чему был район-новостройка, который возвели неподалёку. Двери редко закрывались, так как люди висели на ступеньках, как гроздья винограда. На задней подвесной лестнице, предназначенной, собственно говоря, для того, чтобы ставить штанги на провода, также висели ещё пару человек. Однако это никого не волновало – троллейбус ехал, несмотря ни на что. В настоящее время там проложена линия метрополитена, поэтому ездить стало удобнее.

Университет представлял собой симметрично возведённое 10-этажное здание. Сначала было сложно ориентироваться. Только когда мы выглядывали из окна, было понятно, в каком крыле мы находились – в левом или правом. Перед началом занятий лифты были также

переполнены, так что мы часто бежали вверх по лестнице, чтобы попасть в лекционную аудиторию на 10м этаже.

Университет и памятник В.И. Ленину, 1 мая

Первые десять минут уходили по большей части на проверку присутствующих. 200 студентов вызывали поимённо, чтобы узнать, присутствуют ли они в аудитории – как в начальной школе. Затем профессора и доценты проводили свои лекции и писали при этом всё мелом на доске. Конспект нужно было писать соответственно быстро, так как не было распечаток с тезисами лекций, что вряд ли было бы возможно, ведь с современной копировальной техникой мы ещё были незнакомы.

Некоторые профессора написали учебники по своей дисциплине. Купить такой учебник за несколько рублей вполне имело смысл, так как в содержание был включён материал многих лекций, и именно это потом спрашивали на экзаменах. Но можно было также задавать вопросы и беседовать с преподавателями – они не были оторваны от реальности и вели себя, как обычные граждане.

Раз в неделю я писал родителям письма, которые они получали через десять дней. Точно так же шла и почта из дома. В то время можно было отправлять письма авиа или обычной почтой, разницы не было – менее чем за десять дней они не приходили. Я написал родителям, чтобы они клеили только стандартные почтовые марки, то есть с портретом Ульбрихта, так как в Советском Союзе на почте были филателисты, которые срезали специальные почтовые марки, а письма выбрасывали. Заклеивать письма липкой лентой было запрещено (интересно, почему???) – такие письма возвращались обратно. Электронную почту ещё не изобрели, а звонить

по телефону также было проблематично. Нужно было занять очередь на главном почтамте, сообщить о своём желании позвонить за границу и ждать, пока установится соединение, на что часто уходило больше часа. Затем приглашали пройти в одну из кабинок, где можно было звонить. Это было ещё и дорого – одна минута стоила около рубля (три марки ГДР), так что звонили мы очень редко, лишь когда нужно было срочно что-либо сообщить.

Питание

Пища была немного непривычной. Когда я в первый раз зашёл в столовую, я удивился при виде меню. Почти всегда было два супа, например, борщ, солянка или другие овощные супы. В качестве главного блюда подавались различные сорта мяса, но всегда в рубленом виде – только под разными названиями.

Дома я привык есть картофель, рис и лапшу. Вместо этого здесь была каша – жёлто-коричневое месиво, на первый взгляд, непонятно из чего. Это была гречневая или пшённая каша. Такое блюдо было знакомо нам лишь по сказкам, хотя оно раньше было популярным и в Германии, среди бедного населения. После первой ложки я понял, что это на самом деле вкусно, так что я до сих пор охотно ем эту кашу. Картофель чаще всего был жареным, а рис подавали редко. Обед стоил, как правило, только 50 копеек, что было недорого, но сытно. Советские студенты получали стипендию – 35 рублей в месяц. Часто в конце месяца деньги заканчивались, и тогда студенты ели только борщ и много хлеба, который

всегда был на столе, причём бесплатно. Я также с большим удовольствием ел пельмени и вареники – со сметаной или даже с бульоном.

Купить хлеб, масло, колбасу или сыр не составляло проблемы, но ассортимент был очень ограничен. Из сыров были доступны некоторые сорта твёрдого сыра. Колбаса также была представлена несколькими сортами, но все они по виду и по вкусу напоминали нашу охотничью колбасу. Плавленый сыр можно было купить только в Киеве или Москве.

В продовольственных магазинах всегда была одна центральная касса, на которой нужно было расплачиваться. Это приводило к лишним затратам времени. Сначала приходилось становиться в очередь там, где были продукты. После того как продавщица называла общую стоимость покупки, покупатели шли к кассе, снова становились в очередь и оплачивали товар. С чеком возвращались к прилавку и забирали продукты. Это делалось для того, чтобы продавцы продуктов питания не брали в руки грязные купюры.

Ассортимент фруктов и овощей зависел от времени года и местного урожая. Летом и осенью имелся богатый выбор, но зимой на полках магазинов лежали всего лишь яблоки и капуста. Бананов и апельсинов в магазинах не было. На рынке можно было купить грузинские апельсины, но по очень высокой цене. Грузины выращивали апельсины и самолётом доставляли их в большие города дальше к северу, где и продавали. Билеты на

самолёт были дешёвыми, потому как пролететь 100 км стоило 2 рубля. Так что цена реализации была явно завышена.

Советская система образования

Мы получали стипендию из ГДР – 85 рублей. На эти деньги можно было хорошо жить. В ГДР каждый студент получал ежемесячную стипендию в размере 100–190 марок ГДР, в зависимости от дохода родителей или супруга/и. Стипендия была формой государственной поддержки студентов, которая не требовала возмещения. За общежитие мы платили лишь несколько рублей в месяц, так что у нас оставалось достаточно денег на другие нужды. Советским студентам приходилось намного тяжелее, чем нам. 35 рублей не хватало на жизнь. Половина студентов не получили место в общежитии и были вынуждены снимать квартиру. Хотя плата за общежитие почти никогда не превышала 10 рублей, комнаты частники сдавали за сумму от 20 до 40 рублей, смотря на каком расстоянии от университета находилось жильё. Большинство не могли себе этого позволить и снимали только одно койко-место за 10 – 15 рублей. Мы даже вступились за одного сокурсника, чтобы ему дали место в общежитии, так как он всё это время спал в большом зале ожидания на вокзале. Это было для нас совершенно непостижимо, такого в ГДР не было – о таком мы только читали в газетах, в репортажах из Западной Германии.